

Андрей Львович Ливадный Форт Стеллар

Аннотация

Считалось что он погиб, прикрывая эвакуацию беженцев с планеты Дабог, но спустя десятилетия после окончания Галактической войны его найдут в криогенном модуле спасательной капсулы. Перед юношей, пережившим своих сверстников, откроется новый, послевоенный мир, но таков ли он, как рисовало воображение перед первым и последним боем?

Глава 1.

**2609 год галактического календаря.
Точка гиперпространственного
перехода системы Дабог... Борт**

ракетного крейсера «Люцифер»

Это был страшный год для всего человечества.

Армады кораблей Земного Альянса вторглись в космическое пространство Свободных Колоний.

Война, начавшаяся внезапно, без объявления, обрушилась на молодые, едва окрепшие цивилизации, подобно грому или снежной лавине. Она не щадила никого, и никто не смог остаться в стороне от ужаса, постигшего десятки миров.

Первой на острие удара Земных эскадр оказалась планета Дабог. За ней, в списке на показательное уничтожение, следовали такие миры, как Элио и Кьюиг.

Расчет земного командования был прост, — уничтожив бомбовыми ударами с орбиты развитые колонии,

оно планировало не только подорвать экономическую базу вероятного сопротивления, но и устрасить этой акцией остальные, менее развитые миры.

Однако история показала, что в этих планах крылась ошибка. Правительство и командование Альянса подсчитывало заводы по выпуску роботов, космические корабли и орбитальные станции — все, что так или иначе могло противостоять техногенной мощи вторжения, но при этом были сброшены со счетов, проигнорированы души тех, кто выжил в аду орбитальных бомбардировок.

А ведь именно эти люди решили исход первого этапа войны.

* * *

Ему было всего двадцать два...

О том, что такое война, он узнал год назад, когда на Элио упали первые орбитальные бомбы.

Сейчас Андрей Багиров уже не мог с точностью вспомнить, как прожил он минувший год, вплоть до вчерашнего дня, когда его нога впервые ступила на палубу этого корабля.

Просто само понятие «время» утратило свой смысл, потерялось в череде тяжких потрясений.

Дни сливались для него в тусклую, багряную череду, и не было разницы между ними... неважно, где он находился — в бомбоубежище ли, в наспех ли организованной военизированной школе или тут, на борту крейсера «Люцифер», где ему предстояло принять свой первый и последний бой...

Жизнь раскололась на две половины, по ней пролегла черная линия

терминатора, страшная граница света и тьмы, разделившая его существование на «до» и «после».

Глухой толчок, дрожь в переборках и хриплый голос в надсаженных динамиках интеркома привели его в чувство.

— Внимание в отсеках!
Зафиксировано возмущение гравитационной составляющей! Боевая тревога!

За полгода учебы на симуляторах Андрей успел приобрести доведенный до автоматизма навык работы. Оператор орудийно-ракетного комплекса — профессия отнюдь не творческая, если можно обозначить этим гражданским термином навязанную войной армейскую специализацию...

Добравшись до своего боевого поста и прыгнув в глубокое кресло,

закрепленное внутри сложной амортизирующей подвески орудийной башни, он закрыл забрало гермошлема, вогнал пальцы рук в специальные, похожие на неуклюжие перчатки гнезда, закрыл глаза, сливаясь с компьютерной системой наведения «Прайд-12» и сухо доложил:

— Седьмая орудийная башня, комплекс активирован, к стрельбе готов!

* * *

На командном мостике «Люцифера» в этот момент шло короткое совещание старших офицеров корабля.

Капитан Дробушев хмуро посмотрел на четырех собравшихся подле него подчиненных. Он всегда остро переживал меру личной ответственности за свои решения, но не

только перед этими офицерами, а еще больше — перед пятью десятками молодых парней, экипажем ракетного крейсера, которые, как точно знал Дробушев, верили его счастливой звезде... Однако если раньше, в течение двух с половиной лет войны, ему удавалось как-то уберечь их, то сейчас, после падения Дабога, в критический момент эвакуации последних защитников обожженной ядерным огнем планеты, ситуация, на его взгляд, не оставляла «Люциферу» ровным счетом никакого шанса, чтобы очередной раз выпутаться из сложнейшего положения, выполнив при этом задачу и сохранив экипаж. Очевидно, настало их время жертвовать собой.

Дробушеву было нелегко говорить об этом вслух, хотя собравшиеся в рубке офицеры не хуже него понимали

ситуацию.

— Господа... — негромко произнес он, — конвой гражданских транспортов, вверенный нашей охране, не может благополучно закончить маневр разгона для скачка в гиперсферу. Сканеры дальнего обнаружения зафиксировали появление третьего ударного флота Земли в полном составе. Это пятнадцать кораблей, каждый из которых равен по огневой мощи нашему...

Голос командира был глух, но в нем не звучали ни отчаяние, ни страх. За два с лишним года войны бывший капитан внутрисистемного каботажного транспорта успел вырасти до командующего флотом, командира боевого корабля (захваченного у сил Альянса на орбитах Кассии и переименованного в «Люцифер»).

Он был адмиралом и капитаном

одновременно, ибо в данный момент его флот состоял всего из одного корабля.

— Господа... — повторил Дробушев, обращаясь к своим офицерам, — мы примем бой с эскадрами противника, но наша основная задача — спасение конвоя с беженцами — кажется мне выполнимой лишь в одном случае... — Он несколько секунд смотрел на тактический навигационный монитор, а затем добавил, спокойно и твердо: — Мы должны завязать бой с противником и, маневрируя, увести его в сторону от курса безоружных транспортов.

Один из офицеров, — кажется, это был Замятин, командир артиллерийской палубы, — вскинул голову:

— Капитан, но ведь они ударят по «Люциферу» всеми пятнадцатью

кораблями!

— Да. Именно в этом и состоит наша задача, — не сумев скрыть предательской дрожи в голосе, ответил Дробушев. — Зная тактику адмирала Надырова, нет причин считать, что в данном случае он поступит как-то иначе. После поражений под Дабогом Надыров боится терять корабли и поэтому пойдет на массированную атаку, чтобы сперва покончить с нами, а уж после догнать и расстрелять конвой. Мы будем драться, куда сможем... — Тут Дробушев сделал небольшую паузу. — А после нашу эстафету подхватит капитан Дюбуа, — его транспорт последним стартовал с орбит Дабога, он идет замыкающим в колонне кораблей и во время связи сообщил, что тех орудий, которые успели смонтировать на его транспорте, достаточно для прикрытия хвоста

колонны. Он имеет шанс выстоять, но лишь в том случае, если мы, погибая, нанесем максимально возможный урон кораблям противника.

— На борту у Дюбуа беженцы! — напомнил Дробушеву Ван Гейман. — Хватит ли у него духу вступить в бой в такой ситуации?

— Я знаю о его пассажирах. И он уже подумал о них. Именно поэтому Дюбуа не выйдет из состава конвоя немедленно и не присоединится к нам. Его транспорт продолжает следовать курсом к точке гиперперехода, но если положение конвоя станет безвыходным, а бой неизбежным, — он выбросит беженцев в космос на спасательных шлюпках, а сам останется драться, прикрывая гиперпереход остальных двадцати транспортов. Таков план. Я только что разговаривал с Дюбуа по ГЧ. Затем мы согласовали все

детали с его старшим офицером, Денисом Велеховым.

Они продолжают следовать прежним курсом, но уже готовят корабль к бою.

Дробушев поднял на присутствующих тяжелый, полный боли и тревоги взгляд:

— Есть еще вопросы, господа?

Глава 2

2646 год галактического календаря...

**На ближних орбитах Стеллара —
безвоздушного спутника планеты
Рори**

Город, накрытый силовым куполом и расположенный на поверхности безвоздушной луны, из космоса казался драгоценным камнем, случайно

оброненным на мертвую поверхность.

У Андрея защемило сердце, когда он увидел его сквозь мутное стекло иллюминатора идущего на посадку орбитального челнока.

Сейчас, глядя вниз, он не мог с точностью сказать, сколько бессонных, тоскливых ночей прошло в грезах об этом уголке обитаемой Вселенной.

Казалось бы, минуло всего тридцать с лишним лет, а все изменилось до полной неузнаваемости. Конечно, мертвая, желто-коричневая луна до сих пор хранила на своем теле множество шрамов от той войны, но город... Андрей помнил его маленьким, сжавшимся в комок поселением, серым, унылым, расчерченным на ровные прямоугольники барачных кварталов, между которыми там и тут виднелись герметичные горловины бомбоубежищ, а сейчас под ним сиял голубоватый

карбункул с ярко освещенными, прихотливыми прожилками ущелий-улиц, многоэтажный, вознесшийся над землей, над мертвыми серыми скалами, где затаились батареи сохранившихся до сей поры противокосмических орудий...

Челнок опускался все ниже, ниже, и что-то темное, глубинное вдруг начало всплывать из пучин сознания, захлестывая разум тугой, горячей волной очнувшейся памяти, сбивая тонкие перегородки, возведенные так называемой реабилитацией, потому что это было просто невозможно похоронить под хрупкими наслоениями искусственного забвения...

Андрей не осознавал, что его пальцы внезапно побелели, впившись в обрамляющий окошко иллюминатора выступ. Стоявший рядом с ним мужчина средних лет вдруг покосился

на него и опасливо посторонился, не понимая, почему этот молодой человек с короткой стрижкой вдруг так сильно побледнел, а в его глазах зажегся какой-то непонятный, глубокий и страстный огонь...

.....

— Огонь!

Орудие рявкнуло, выплевывая в космос полутонный снаряд, и внутри башни резко загудел механизм боевого эскалатора.

— Электромагниты перезаряжены!.. — Голос был резким, отрывистым, хриплым. — Пеленг два ноля восемнадцать, класс — крейсер, гравитационная поправка прежняя!.. — Замок орудийного ствола глухо звякнул, запирая канал.

— Огонь!..

Орудийный ложемент вздрагивает, вбиваемый вовнутрь башни силой

отдачи...

— Снаряд, сукины дети!.. Снаряд!

.....

— ...Что с вами, сэр? — Бортовой андроид осторожно притронулся к плечу Андрея, участливо заглядывая через плечо. — Вас укачало?

— Нет. — Он сам не понимал, что это вдруг нашло на него, просто воспоминание вырвалось так неожиданно, так ярко. — Нет, со мной все в порядке. Меня не укачивает при посадке. — Он попытался улыбнуться и заметил, что его потуга на улыбку вдруг образовала странный вакуум подле ровной шеренги смотровых иллюминаторов. Пассажиры, вставшие со своих мест и любовавшиеся, так же как он, открывшимся видом на город, отчего-то поспешили на свои места, хотя по интеркому еще не передавали

предупреждения о том, что нужно сесть и пристегнуться.

Андрей оглянулся почти растерянно.

Поймав взглядом какого-то пожилого джентльмена, он заметил, как тот потупился, отводя глаза.

— Извините... — Андрей внезапно почувствовал острый, жалящий укол в сердце и даже не заметил того, что машинально обратился к дройду. Пройдя на свое место, он сел, откинулся на спинку кресла и плотно зажмурил глаза, пытаясь унять бешеное биение сердца.

Ему было невдомек, чем он так напугал окружающих? Что он сделал такого, что его вдруг стали сторониться, словно он носитель чумы Прокуса?

Пока он пытался успокоиться, интерком наконец объявил посадку, и это принесло Андрею облегчение.

Челнок резко пошел на снижение, так что у пассажиров возникло чувство холода в животах; на мгновение пришла невесомость, и в глубине салона вдруг заплакал испуганный ребенок.

Андрей по-прежнему не открывал глаза. Он сидел, утонув в объятиях удобного кресла, и слушал свои очнувшиеся чувства.

Не психуй... — мысленно твердил он сам себе. — Прошло столько лет... Мир изменился... Эти люди уже, наверное, не помнят, как все происходило на самом деле. Ты должен их понять... Ведь именно за это будущее ты и дрался, верно?

Все бы ничего, да вот только женщина, сидящая подле плачущего ребенка, успокаивая его, вдруг произнесла слишком громкую фразу, которая волей-неволей, но достигла

ушей Андрея:

— Будешь плакать, отдам вон тому доимпланту, понял?

Андрей каким-то седьмым чувством понял, что речь наверняка идет о нем, но что это за странный речевой оборот доимплант, он, естественно, не знал.

Однако ребенок тут же затих, испуганно шмыгая носом.

В наступившей вдруг тишине стало слышно, как пожилой джентльмен тихо проворчал себе под нос:

— Господи, ну почему для этих отморозков до сих пор не придумают отдельного вида транспорта?..

Андрей опять ничего не понял, но испытал какое-то постыдное облегчение, когда челнок наконец перестал выть планетарным двигателем и опустился на твердую опору посадочной плиты.

Ему хотелось поскорее оказаться

снаружи и глотнуть свежего воздуха, потому что атмосфера кондиционированного салона вдруг стала для него невыносимой, спертой, словно вокруг витал какой-то едва уловимый обонянием смрад.

Когда открылся наружный люк челнока, он, не дожидаясь приглашения дройда, первым встал и пошел к выходу, не обращая внимания на взгляды, которыми провожали его благопристойные граждане Форта Стеллар, бывшей космической крепости Свободных Колоний, а ныне — процветающего города-мегаполиса с миллиардным населением.